

Феликс Мамаренко

Суворовец Соболев, стать в строй!

Новелла

Феликс Маляренко

Суворовец Соболев, стать в строй!

Издательство "Руда"

2020

УДК 82-34 (02.053.2)
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

Маляренко Ф. В.

Суворовец Соболев, стать в строй! / Ф. В. Маляренко —
Издательство "Руда", 2020

ISBN 978-5-6044143-6-1

Повесть о том, как одиннадцатилетний Санька Соболев попадает в суровую армейскую среду Суворовского училища и пытается найти своё предназначение в жизни. Эта книга – о дружбе, о возмужании, о становлении характера. Это повесть о настоящих мальчишках и для мальчишек написана, со слезами и улыбкой, легко читается и держит в напряжении до последней страницы. Для широкого круга читателей.

УДК 82-34 (02.053.2)
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-6044143-6-1

© Маляренко Ф. В., 2020
© Издательство "Руда", 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Феликс Васильевич Маляренко Суворовец Соболев, стать в строй!

© Ф. Маляренко, 2020

© Издательство «Руда», 2020

© С. Теплов, иллюстрации, 2020

Глава 1

На левом фланге

– Рота, бегом!

По этой нелюбимой команде Санька прижал руки к груди, и так крепко, что вдоль спины побежали мурашки.

– Марш! – и рота, топоча в ногу, равномерно, как хорошо отлаженный двигатель, принялась отстукивать по дороге.

– Раз-раз-раз, два-три, – посчитывал сержант Чугунов, и рота под «раз» притоптывала левой, под «два» – правой, под «три» – снова левой. Но равномерный стук продолжался недолго: Санька продирался на обочину дороги и, пока продирался, сбивал ритм движения роты.

– Соболев, что там у Вас произошло? – нервно и часто дыша, спрашивал сержант Чугунов.

– Шнурок развязался, – оправдывался Санька.

– Вечно Ваши шнурки, – сердито отмечал Чугунов и тут же восстанавливал ритм движения роты. Раз – под левую, два – под правую, три – снова под левую ногу.

Санька завязывал шнурок и, набирая темп, старался догнать роту, которая к тому времени уходила за корпус. Он ковылял, бежал, задыхался, но успел, когда она остановилась перед казармой.

– Разойдись, заправить постели, почиститься. До построения – двадцать пять минут, – скомандовал сержант, а сам направился навстречу Саньке.

– Соболев, что у Вас за шнурки? Не шнурки, а черви неуправляемые. Когда хотят, тогда и развязываются! Особенно им нравится делать это во время пробежки.

– Но я догонял! Бежал, торопился...

Сержант посмотрел и махнул рукой:

– Чтоб Ваши шнурки больше не развязывались! А то вечером будете до блеска драить туалет. Хоть морской узел пробуйте, но это последнее предупреждение.

После совета о морском узле Санька направился в роту и стал быстро заправлять постель. Потом схватил полотенце и помчался в умывальник. Там очередь за каждым из семи кранов с холодной водой тянулась до утреннего осмотра. Санька повесил на плечо полотенце и стал ждать.

– Приготовиться к построению! – команда сержанта, обогнув коридор и площадку дневального, вошла в умывальник, и места у кранов тотчас же освободились. Санька быстро намылил лицо, шею, уши, выдавил из тюбика пасту и, закрыв глаза, принялся нещадно драить зубы. Потом окатил себя водой, быстро ополоснул рот и на ходу, вытирая голый торс, побежал вдоль вытянувшегося во весь коридор ротного строя.

– Опять Соболев! – прогремел голос сержанта. – Ну теперь вся рота будет вынуждена Вас ждать.

– Пусть, пусть оденется, – мягко сказал старшина Горунов.

Санька, путаясь, влез в майку, потом, торопясь, натянул гимнастёрку и, уже на ходу застёгивая пуговицы, вклинился в строй на своё место на левом фланге рядом с другом Витькой Шадриным.

– У, жаба, – успел поймать он на лету брошенное ему Серёгой Яковлевым, хихиканье Рустамчика Болеева и сочувствующий шёпот Витьки:

– Надо было сразу брать полотенце, вместе бы помылись, постель потом бы заправил.

– Становись, равняйся, смирно! – скомандовал сержант, когда удостоверился, что Санька занял своё место в строю, замер и прижал кулаки к лампасам. – Равнение на середину! – сержант, чётко выделяя слова, отчеканил доклад.

Рота, после команды старшины «Первая шеренга, шаг вперёд, шагом марш! Кругом! Вольно!», волной двинулась вперёд и повернулась лицом ко второй.

Старшина приказал сержантам проверить взводы, а сам прямиком направился к Саньке, который, даже после команды «Вольно!», вытянувшись в столбняк, с волнением смотрел на приближающегося к нему старшину.

– Опять Вы, Соболев, плохо бляху почистили, ботинки бархоткой не гладанули, воротничок пришили криво. Ну-ка, расстегните две верхние пуговицы гимнастёрки! Так и есть – грязный.

Старшина был самым добрым человеком в роте и училище и вторым на всём белом свете. Первым была мама. Он говорил тихо, как бы жалея, и никогда не наказывал. Он был такой аккуратный, что рядом с ним любой вычищенный и выглаженный суворовец чувствовал себя неуютно, и хотел что-то на себе исправить, удалить лишнюю пылинку, и где-то ещё раз пройтись утюжком. К его груди прилипли три планочки боевых орденов и медалей. – После занятий зайдёте ко мне в каптёрку, и будем вместе пришивать воротничок.

Потом старшина ещё раз посмотрел на него сверху, и во взгляде, упёршемся в стриженую голову, было столько недоумения, и Саньке вдруг показалось, что ему ещё надо макушку намазать асидолом и натереть до медного блеска.

– Да?! – одновременно вопросительно и восклицательно произнёс старшина, и в этом «Да?!» опять было столько всего недосказанного сказано мягко и высказано не совсем понятно, что Санька решил: сегодня после занятий обязательно... Но не успел он додумать, как с правого фланга взвода доползло Серёгино «жаба», рядом прокатился смешок Рустамчика и протянулся слабый шепоток Витьки Шадрина: «Надо было сразу в умывальник зайти, и ты бы всё успел».

– Нет, – задумчиво произнёс старшина. – Вам бы на бухгалтера учиться, командира из вас, наверное, не получится. А если и получится, так не очень...

По дороге на завтрак Санька шёл в строю и думал, что после занятий он обязательно перешьёт, отчистится, отгладится, и тогда-то старшина выведет его перед строем и скажет всем: «Вот посмотрите, есть ли у нас в седьмой роте суворовец аккуратнее, чем Соболев? Кто ещё так до алмазного блеска чистит бляху и пуговицы? Сравните мои сапоги с его ботинками. В ботинках Соболева можно увидеть своё отражение». И Санька обязательно посмотрит вниз и увидит в чёрном кожаном зеркале такого аккуратного суворовца, что zalюбуется им. «Неужели это он?..»

– Суворовец Соболев, подтянитесь, – услышал он голос сержанта, заторопился, догнал Рустамчика и наступил ему на пятку.

– Ну ты не видишь что ли? – обернулся тот.

– Получилось так, – попробовал оправдаться Санька, но тут же услышал за спиной:

– Суворовец Соболев! Разговорчики в строю!

– Э-э-эх! – вздохнул Санька...

В столовую рота входила спокойно в колонну по одному, постепенно ускоряя шаг, и уже в самом здании побежала занимать свои места. Столы ещё не успели накрыть, но запах плова волнами разносился по огромному залу.

– Ну вот, – возмущался худой и вёрткий, весь острый, как игла, Витька, – опять тарелки алюминиевые прозевали, теперь жди, пока тяжёлые фарфоровые разнесут.

Дневальные несли по четыре порции на каждом подносе.

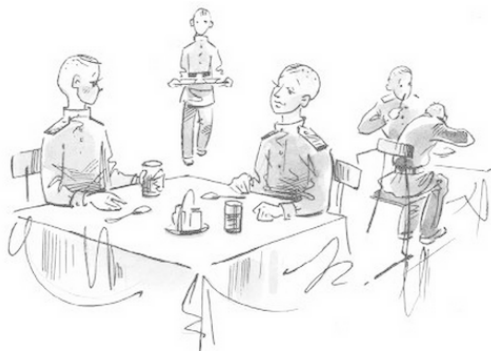
– Если бы алюминиевые, – продолжал ворчать Витька, – тогда бы по восемь приносили, – он достал из-под стола запрятанную ещё с прошлого обеда баночку горчицы, намазал хлеб, посыпал его солью и снова спрятал баночку под стол.

Залпом выпил компот и чай.

– Плов оставим на второе и третье, – объяснил он. И тут же посоветовал Саньке: –пей компот, а то не успеешь.

– Как же? Компот – это десерт.

Десерт, так десерт, – доел абрикосы Витька и косточки засунул в карман.

Наконец очередной поднос с пловом доплыл до них. Маленький огненно-рыжий Толя Декабрёв тут же набил себе рот, у Витьки вилка мелькала, как затвор автомата. Санька ел медленно.

– Рота, заканчивай завтрак! – как всегда неожиданно прозвучал голос сержанта.

Витька вытер хлебом тарелку, Толя приступил к компоту, вот тут Санька начал набивать рот, запивать компотом, заливать чаем.

– Рота, встать! Выходи строиться! – прозвучала команда, и суворовцы, достав из колец салфетки, стали вытирать руки, двигать стульями и направляться к выходу, а Санька доедал, давился, потом допил компот и побежал, желая успеть...

– Соболев, опять опаздываете? – закричал Чугунов. – Почему Вам хочется одному сидеть ещё минутку в тепле, пока другие мёрзнут? Становитесь на место и не надо больше хитрить!

Санька поплёлся в строй. «Вот всегда так. Чуть что – сразу хитришь, ведь и опаздывал не потому что хотел, просто порции принесли позже всех!»

– Жаба! – донёлся шепоток с середины строя и тоненький смешок щекастого Рустамчика.

– Говорил тебе, надо было сначала компот, – сочувственно прошептал Витька. – Тогда бы успел.

Вот всегда так, как Чугунов заступает дежурным по роте, у Саньки сплошные неприятности.

Сегодня вторник – кружковый день. Витька звал записаться в шахматный, но Санька записался в кружок любителей русского языка.

– Знаешь, – растолковывал Витька, – вырастем, гроссмейстерами станем, будем на международных соревнованиях от клуба ЦСКА выступать. И командирам, и офицерам, и генералам шахматы как никому нужны. В бою с их помощью всё на десять шагов вперёд можно увидеть.

– Да, – соглашался Санька, – но если по диктантам двойки и тройки получать, то на каникулы не пустят.

– А у меня троек нет, я правила на самоподготовке выучу...

Но Санька на кружок не пошёл, надо выполнять приказание старшины. В спальне он оторвал от куска материи лоскуток, сложил его пополам и старательно пришил к воротничку. Посмотрел, получилось не очень ровно. Потом загнал пуговицы в трафаретку, капнул на них асидол и долго водил щёткой по медному ряду, пока он не заблестел...

Старшина, сощурившись, осмотрел Саньку и наконец выдавил из себя:

– Старался, и то дело. Э-эх, Соболев, Соболев, когда у тебя всё будет получаться вовремя, когда ты научишься успевать со всеми? Сегодня у вас будет пионерский сбор, может вожатый на тебя подействует? Когда ты наконец покинешь свой левый фланг?

– Наверное, когда вырасту, – вздохнул Санька.

Глава 2

Вожатый

Первых два часа самоподготовки сержант Чугунов сидел за столом перед партами второго взвода и, охраняя тишину, читал книгу об Иване Грозном. Тишина в классе, как за дубовой дверью, надёжно покоилась за широкой спиной сержанта. И если вдруг шелестом пересохшего осеннего листа до его чуткого уха дотягивался тоненький шепоток, Чугунов медленно поднимал смоляные брови, направляя взгляд светло-голубых глаз в сторону шелеста и, чтобы тот не расползлся, промораживал его в центре возникновения.

Суворовцы набора тысяча девятьсот шестьдесят второго года самой младшей роты училища, по-гражданскому просто пятого класса, готовились к завтрашним занятиям по арифметике, русскому, английскому, истории и уставам. Санька Соболев, закончив с примерами и упражнением, пробовал читать первые статьи «Дисциплинарного устава», но смысл прочитанного рассеивался и не успевал осесть в голове.

«Дисциплина есть строгое и точное соблюдение всеми военнослужащими порядка и правил, установленных законами, воинскими уставами и приказами командиров и военачальников». Слова в уставе были тяжёлыми, непонятными и, главное, такими, какими никто и никогда раньше при Саньке, всего два месяца назад, не говорил. Даже отец и дед, которые воевали на фронте.

«Дисциплина есть...» – снова начал он, читал дальше и забывал первые слова, не понимал тут же прочитанных и откровенно зевал на последующих. Его карие глаза сонно смыкались, и на смуглое лицо, казалось, находила тень.

Его сосед по парте и первый Санькин друг Витька Шадрин, светлый худой, подвижный, как выюн, прочитав устав, отложил его в сторону и прошептал:

– И не за такое пятерки получали, – и, повертевшись, осторожно достал контурную карту и розовым карандашом закрасил в Африке ещё одну страну, ставшую свободной от колониального рабства, о которой прочитал сегодня в «Пионерской правде».

Его карта была уже сплошь розовой, и на ней оставалось мало белых пятен, а под героической Кубой, заштрихованной в яркий малиновый цвет, в скобках расшифровывалось: «Коммунизм у берегов Америки».

С Санькой они познакомились ещё в карантине, где Витька уже прожил один день. Он выбрал Саньку из толпы, подошёл к нему и сказал:

– Ниже меня! Значит, самый маленький.

– Сам маленький, – не задержался с ответом Санька.

– Знаю, что выше тебя, и буду тебя защищать.

– Спасибо, сам как-нибудь, – попробовал уйти от прилипчивого защитника Санька.

Но мальчонка протянул тонкую и гибкую, как змея, руку:

– Я Витька Шадрин из Владика. Всё равно, давай дружить, ты мне нравишься.

Но самым маленьким во взводе, да и в роте, оказался огненно-рыжий Толя Декабрёв. Сейчас он сидел на первой парте и рисовал на контурной карте кружочки. Рисовать кружочки было его любимым занятием.

Санька устало оглядел класс. Длинноносый Саша Фомин, закрыв глаза и в такт покачивая головой с большим носом, шевелил губами и усердно перемалывал выдержки из устава. Рустамчик с толстыми хомячьими щеками хитро, до острых бритв, сузив карие глазки, списывал решение задачи у соседа по парте ушастого и вечно сонного Толи Счастливого.

Серёжа Яковлев, веснушчатый, как рябое яблоко, и прозванный ребятами Кулаком, усердно выводил в своей тетрадке столбики с одним, двумя и тремя нулями. Ещё в третьем

классе он собрал большую жестяную коробку пять тысяч четыреста копеечных медяков, и неожиданно в новогоднюю ночь тысяча девятьсот шестьдесят первого года Дед Мороз вместе с денежной реформой удесятерил его вклад. К утру в старой жестянке было состояние в пятьдесят четыре новых рубля.

Отныне Серёжа Яковлев, где мог, менял деньги на копейки и ждал новой, а за ней ещё более новой реформы. И не было для него лучшего занятия, чем считать, как его сумма сначала увеличивается в десять, а потом в сто, а потом, может, и в тысячу раз. И когда он проходил мимо буфета и чувствовал запах горячих жареных пирожков, и у него вдруг появлялось страшное желание купить хотя бы один, Серёжа тут же останавливал себя мыслью, что через десять или двадцать лет на эти же деньги он сможет приобрести и съесть их в десять, а то и в сто раз больше.

В общем, все были заняты, и только один из взвода, как всегда, стоял в наряде. Один раз в двадцать восемь дней. Сегодня в наряде был как всегда спокойный, самый высокий и самый сильный во взводе Лёшка Дмитриев.

В этом году приняли в седьмую роту вместо положенных ста сто двенадцать человек. Командир роты майор Сорокин объяснил: кто-то может не выдержать, кто-то по состоянию здоровья уйдёт, чьи-то родители уедут на «запад», и он вынужден будет перейти в другое училище. Но Чугунов, сержант срочной службы и заместитель командира второго взвода, самый строгий сержант в роте, а может, и в училище, говорил, что эти двенадцать лишние, и в каждом взводе должно быть ровно по двадцать пять. Самые недисциплинированные, самые неуспевающие должны быть заявлены в отчисление. Вот и сейчас сержант строго следил за порядком во взводе и изредка металлическим голосом напоминал:

– К занятиям нужно готовиться основательно.

А как же по-другому? И Санька снова уткнулся в устав. «Дисциплина есть строгое и точное соблюдение всеми военнослужащими...»

Но изредка Толя Декабрёв или кто-нибудь другой штыком поднимал руку и, строго прижимая локоть к парте, терпеливо смотрел на сержанта, пока тот оторвёт голову от любимой книги.

– Слушаю, – сержант медленно переводил суровый взгляд от «Ивана Грозного» в сторону суворовца.

– Товарищ сержант, задача не получается, – уже весь вытягивался в штык Толя.

– Садитесь! – кивал головой сержант, раскрывал чёрную дерматиновую обложку лежащей перед ним общей тетради, разрезая шелестом страниц охраняемую тишину. Не торопясь, он подходил к спрашивающему и долго сверял каракули в тетради суворовца с написанным решением Тамары Александровны, учителя математики. Затем толстым пальцем спокойно прижимал тетрадь к парте и, по-командирски разделяя слова, чеканил:

– Вот здесь проверьте!

Тут же со всех сторон тянулись стриженные головы.

Вокруг сержанта моментально образовывалась куча суворовцев.

– Разговорчики! По местам! Кто разрешил? – строгими командами раздирал кучу сержант и, бряцая подковами, быстро проходил к столу. Потом холодным взглядом прижимал стриженные головы к партам и лишь после этого садился за «Ивана Грозного». Перед звонком Чугунов объявил:

– На третьем часе самоподготовки капитан Баташов проведёт с вами пионерский сбор, – расправил плечи и выдохнул, будто сбросил со спины тяжёлый вещмешок.

Капитан Баташов пришёл не один, а с высоким, выше его на полголовы суворовцем из четвертой роты. Тонкий живой аккуратный капитан был похож на полководца Суворова, но стриженного под полубокс. По сравнению с капитаном суворовец выглядел чуть нелепо. Рукава его гимнастёрки не дотягивались до запястьев, а наглаженные брюки поднимались над ботин-

ками, обнажая синие носки. Суворовец от волнения моргал, смешно сдвигал светлые брови и тянул рукава гимнастёрки.

– Суворовец Владимир Зайцев, – представил его капитан, сделав движение руки в сторону старшеклассника и, тепло улыбнувшись одними глазами, добавил: – Будет вожатым вашего пионерского отряда.

После этого вожатый порозовел, причем розовая краска пробежала от подбородка по вытянутому лицу, обходя островки веснушек на носу и щеках, поднялась, окрасила высокий лоб и спряталась в коротких волосах, оттопыренных ёжиком.

– Он мне поможет провести у вас сбор, – поправил спустившийся на лоб чуб капитан.

– А можно вопрос? – высоко вздёрнул руку Витька Шадрин и, не дождавшись разрешения, спросил: – А почему сбор без пионерских галстуков?

Краска на лице вожатого потемнела.

– Действительно, – вновь поправил чуб капитан. – Сейчас всё исправим.

Он взял с собой двух суворовцев и вышел, а вожатый, продолжая стоять посередине, беспомощно оглядывал класс.

– А ты, то есть Вы, – встал, изогнувшись над партией, Витька, – долго будете у нас?

– Пока долго. До конца часа, то есть месяца, вообще года, – нерешительно развёл руками вожатый, и новая краска пробежала по его лицу. – На сборах, линейках и просто постараюсь помочь, если получится.

– Здорово! – мячиком подпрыгнул со своего места самый маленький Толя Декабрёв. – А то задачи по арифметике трудные задают. Вот география – другое дело.

– И по русскому, – закричал с задней парты Серёга Яковлев.

– Обязательно помогу, – уже спокойно ответил вожатый, погасив последнюю волну краски.

– А ты, Вы, спортом занимаетесь? – спокойно приподнялся Рустамчик, за круглые щёки прозванный Хомяком.

Вожатый повёл плечами.

– Не за-ни-ма-е-тесь? – разочарованно потянул Болеев и со вздохом плюхнулся на парту. Этот разочарованный вздох, подхваченный двадцатью пятью голосами, растянулся по рядам.

– Занимаюсь, занимаюсь, – попробовал оправдаться вожатый. – Но только парашютным.

– Парашютным? – на этот раз уже с восхищением произнесло двадцать пять голосов. Всё-таки с парашютом из-под облаков слететь – не кроссы бегать, не сальто на матах крутить и даже не в перчатках на ринге друг друга мутузить.

– А страшно с парашютом в самолёте? – уже осторожно приподнялся со своего места Витька Шадрин и с такой готовностью посмотрел на вожатого, будто он не суворовец из четвёртой роты, а живой памятник, чемпион мира или Герой Советского Союза.

Володя опять как-то неуверенно развёл руками, и розовая волна опять прокатилась по лицу, огибая веснушки.

– Я пока ещё не пробовал. Мы только изучали парашют, учились складывать. Правда, через месяц мы должны поехать к десантникам и попробовать прыгать с вышки.

– Не прыгал, – опять разочарованно опустил за парту Витька, и снова вздох потянулся по рядам. Вздох этот был какой-то противный, печальный и даже тоскливый. Он докатился до стены и поднялся над классом неприятной тяжёлой тишиной.

И только открываемая капитаном Баташовым дверь разрядила эту противную тишину. Баташов пропустил вперёд суворовцев, которые были нагружены белыми гимнастёрками с яркими алыми без белого канта погончиками и шёлковыми галстуками. Взвод зашумел, задвигался. Через несколько минут в классе стало светлее от рубашек с короткими рукавами и пламенеющих на груди галстуков.

– Ну что, Володя, проводи сбор, – капитан Баташов сел на стул, а вожатый, натягивая то один, то другой рукав своей гимнастёрки, начал.

– Нам нужно набрать членов совета отряда. Я вас ещё плохо знаю. Вы друг с другом знакомы. Кого выберем председателем? – в классе стало тихо. – Так кто у нас будет председателем совета отряда?

Вопрос повис в воздухе, и Саньке Соболеву показалось: воздух в классе вдруг сжался и стал густым, как кисель. Все молчали, молчал и Санька. В мгновение он поймал себя на мысли: «Хочу ли я быть председателем? Да или нет? Наверное, нет! Наверное, нет! Ведь надо что-то делать, управлять ребятами, давать задания».

Санька почувствовал, как тяжело дышать кисельным воздухом, как ворот гимнастёрки сжимает горло. «А может, да? Как хорошо быть на виду, в работе, ты всем необходим, тебя все спрашивают. А вдруг выберут не тебя? А назовут другого?» Санька вдруг захотел, чтобы кто-то выкрикнул фамилию Соболев. Он почувствовал, что хочет быть нужным. Необходимым.

– А может, изберём Серёжу Яковлева? – спросил капитан Баташов и поправил волосы, опустившиеся на лоб. – Может ещё кого-нибудь? Предлагайте, не стесняйтесь, давайте проголосуем? Можете себя, если желаете, если считаете, что справитесь.

Толя Декабрёв осторожно приподнял руку, но, не дотянув её, также осторожно опустил.

– Суворовец Декабрёв, – привстал капитан.

– Да я хотел... – начал было Толя. – Наверное... Не знаю... Думаю... – перебирал он слова. – Тоже Яковлева, – наконец он закончил и сел.

Санька почувствовал, как горячая волна пробежала по телу, как она подобралась к лицу, ушам. Загля в их. Ему тотчас же показалось, что все смотрят на него. «Стойте, не проходите, посмотрите на Саньку Соболева, он завидует Серёге Яковлеву, что выбрали его».

Санька опустил голову. Но это действительно так. Было обидно, что не выбрали, что не назвали, хотя минут назад он не хотел этого.

За Яковлева он поднял руку вместе со всеми. Потом стали выбирать звеньевых. На этот раз он хотел, чтобы кто-то назвал его, чтобы хоть кто-то вспомнил о нём, чтобы уже вошедший в роль вожатого Зайцев написал его фамилию на доске, но звучали фамилии других.

Выбрали звеньевых, зелёный патруль, редколлегию, но никто не вспомнил о нём. Весь взвод был куда-то избран и за что-то отвечал, а Санька всё сидел и ждал.

– Ну вот и всё, – сказал раскрасневшийся вожатый. Он уже не волновался и был спокоен, будто всю жизнь руководил пионерами-суворовцами.

Капитан встал из-за стола.

– Теперь у нас все при должностях, осталось закрыть собрание. В субботу будет линейка у памятника Виталию Бонивуру.

И только тут Санька понял, что его никуда больше не выберут. Теперь покраснели не только уши, но и глаза. Он уже чувствовал, что они становятся влажными.

Где-то очень далеко рассыпался по коридору звонок, и пионерский сбор как оборвался. Капитан приказал переодеться. Санька надел чёрную гимнастёрку, и в классе сразу стало темнее.

И хоть капитан Баташов отпустил взвод, предварительно объявив, что через пять минут будет построение на ужин, и роту в столовую поведет сержант Чугунов, Санька сидел, опустив голову, на своей второй парте у окна, смотрел на крышку, и ему всё казалось, что презрительные и смешливые взгляды взвода обращены к нему.

А класс уже опустел. Выходящий последним Саша Копытов баскетбольным движением, будто забрасывал мяч в корзину, подпрыгнул, изогнулся и выключил свет. Стало темно, и только дежурная синяя лампа из коридора чуть освещала затоптанный паркет между партами и огромной линолеумной доской. Потом исчезла и эта полоса, и тогда Саньке вдруг показалось, что его уши светятся в темноте раскалёнными углями. Он зажал их руками и закрыл глаза.

Ему казалось, что сидит он один в пустом классе, в пустой казарме, пустом училище, один в целом мире.

– Ты что сидишь? – услышал он тихий через прижатые руки чей-то голос.

Сначала он подумал, что этот голос возник у него внутри, как будто сам себе задал этот вопрос. Но возникший в нём голос продолжал спрашивать:

– Ты что сидишь, рота уже строится на ужин?

Санька опустил руки и открыл глаза. Не мог же возникший в нём голос ещё раз спросить и напомнить об ужине.

– А тебе какое дело? – Санька не стал даже поднимать голову и вдумываться, кто задал этот вопрос, и лишь когда ответил, вдруг понял, что голос принадлежит вожатому, их новому вожатому, этому Зайцеву, из-за которого Саньке сейчас плохо, так одиноко, так обидно, что не хочется даже идти на ужин.

– Извини, но я, кажется, знаю, почему ты здесь один. Это я виноват, что тебя никуда не выбрали.

– Ну и что с того, что не выбрали, – отвернулся Санька к окну. – Ну и что? Я, может, по другому случаю обижаюсь, я, может быть, обижаюсь просто так, – и подумал: «Сам виноват, сам всё отлично понимает, а ещё лезет в душу». – Думаешь, если выбрали, это хорошо? Нужна мне лишняя работа. Я, может, в кружок математики буду ходить и задачи лучше всех решать, – попробовал рассердиться Санька.

Но злость застревала внутри, и, пока она выходила, превращалась в обиду, а наружу прорывались предательские слёзы.

– Да постой, не надо, – Санька почувствовал на плече руку вожатого, попробовал вывернуться, и рука исчезла с плеча. – Ты ещё раз меня извини. Мне тоже бывает в таких случаях не по себе и кажется, что я никому не нужен. – Володя сказал это так тихо и просто, что Санька вдруг поверил ему и поднял голову, пытаясь заглянуть в глаза вожатого. Но было темно, и он ничего не увидел, а только почувствовал, что какое-то тепло исходит от вожатого. Это тепло отзывалось в Санькиной груди, где-то в глубине, в самом сердце, остывшем от того, что весь его жар был истрачен на постыдное разогревание ушей. И от этого всё стало ясно и стыдно. Просто он хотел быть лучше других, завидовал, и эта зависть разбудила в нём обиду. Эта проклятая зависть нагрела уши и остудила сердце.

– И со мной тоже так было, – продолжал Володя. – И было совсем недавно. Или, кажется, что недавно. Понимаешь, тот же сбор, и тоже в седьмой роте, и тоже у окна, и тоже на второй парте, и тоже все поднимали руки за других. А я хотел быть другом леса, и звеньевым, и красным следопытом. А про меня тоже забыли. И мне тоже было обидно, и уши, пылали. Думаешь, не видно?

– Неужели в темноте видно? – Санька приподнял ладони.

– Да нет, – шорохом отозвался смех Володи. – В темноте не видно, но если на твои уши нацелить сейчас прибор ночного видения, они были бы хорошей мишенью. Да не переживай, и тебе тоже найдётся дело. Я поэтому и пришёл к вам, чтобы никто не оставался один. Ведь известно, как плохо, когда вокруг тебя все заняты, а ты отделён, в стороне, один, и никто этого не замечает. Одному всегда тяжело.

– Тяжело, – вдруг согласился Санька, – но мы все вместе.

– Бываем вместе и одиноки.

– Как одиноки?

– Человек – мир. Другой человек – это мир, – сказал Володя. – А два мира не могут войти один в другой. Понимаешь, как два воздушных шара. Оба прозрачные, оба насквозь видны, а попробуй, соедини их вместе. В лучшем случае, один из них обязательно лопнет, а то лопнут сразу два. Значит, человек одинок в своей оболочке. – Володя говорил странно и загадочно, совсем непонятно для Саньки, но Санька чувствовал, что Володя говорит о чём-то

значительном и, может, не только для него... Эти удивительные слова о мире, о шарах, которые лопнут, если их впрессовывать друг в друга. Мысли его путались, как трава после ливня.

– А вы... Да мы все со своими острыми гранями и без того раним друг друга. А случись завтра что-нибудь серьёзное – в бой, атаку, под пули, – тогда каждый должен прикрывать друг друга. А мы, иногда, как больные, раним и не замечаем.

– Но если больны, то болезнь надо лечить. – Санька чувствовал, как твердеет его голос. – Боль – это излечимая болезнь. Зачем сталкивать два мира? Наверное, существуют какие-то таблетки, лекарства или даже лечебные лучи, которые пронизут тебя насквозь и избавят от этой тяжёлой болезни.

– Вот нас и лечат. Притирают наши миры друг к другу, отрезают всё режущее, объединяют, водят строем и где-то заставляют быть автоматами. Там, где пули, где мины, где могут быть ядерные вспышки, оставляющие от людей тени на земле, надо успеть остаться живым, прикрыть товарища, солдата, командира. Вот в этой шлифовке главное – чтобы ты не стёр в себе человека... Я тебя задерживаю, – вдруг спохватился Володя. – Беги, опоздаешь, тебя будут ругать.

– А ты?

– Не беспокойся, меня отпустили к вам.

Санька вышел в коридор и, когда услышал, как с улицы долетела команда «Рота, шагом марш!», побежал, скатился по лестнице, помчался к своему взводу, на своё место.

Пробегая мимо сержанта, на ходу козырнул ему и не услышал, а скорее почувствовал брошенные вслед слова Чугунова:

– Хитрый! Ох, хитрый! – слова, как камни, летели вслед, били в спину. – Ох, хитрый! – кричал сержант. – Рота вышла строиться. Дождь идёт, товарищи мокнут, а он за дверью ждёт. – Каменные слова, казалось, пробивали тело насквозь. – Ждешь последнего момента, чтобы выскочить и встать в строй. Один наряд вне очереди! Будете среднюю площадку драить!

– Ты что? – спросил Витька. – Где был?

– С вожатым, – оглянулся на сержанта Санька, всё ещё придавленный тяжёлыми словами.

– Ну и что он тебе пообещал? В поход идём? Вожатые в школе в походы водили, а здесь они зачем?

– Не знаю.

– А о чём вы говорили?

– О человеческих мирах, – Санька снова оглянулся на сержанта.

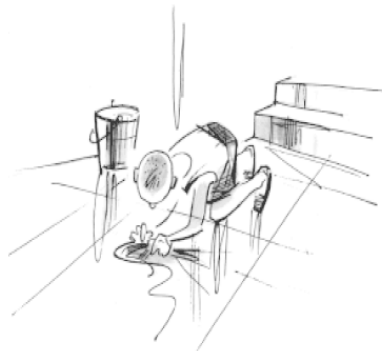
– А, про космос? Про космос – это интересно, – понимающе придвинулся Витька Шадрин.

– Наверное, про космос, – сказал Санька. – Космос человеческих миров.

Глава 3

Средняя площадка

На вечерней проверке, прежде чем распустить суворовцев, сержант Чугунов объявил:
– Тем, кому объявлены наряды, выйти на площадку дневального.

Санька снял ремень, положил его на стул так, чтобы бляха свешивалась в проход, и, расстегнув ворот гимнастёрки, вышел из спальни. Там уже собралось человек семь. Из второго взвода стоял Рустамчик, притулившись спиной к двери раздевалки.

– Ну что, Санёк, не везёт среднюю площадку драить? – улыбнулся он, и от улыбки его хомячьи щёки поднялись вверх, и глаза превратились в тонюсенькие полоски.

– Да, – опустил голову Санька.

– Не повезло, – застряла улыбочка в щёлочках. – Я так лучше два туалета вымою со всеми очками и писсуарами, чем одну среднюю площадку.

Сержант скомандовал отбой, переключил спальню на синее дежурное освещение, вышел на площадку. Рустамчик тут же поджал щёки и бочком отодвинулся к стене за спиной Чугунова. Сержант оглядел притихших нарушителей воинской дисциплины, встретился глазами с Санькой.

– Суворовец Соболев, идите отдыхайте.

– Но почему? – не понял Санька.

– Ваш вожатый, как его, Зайцев, просил за вас. Говорил, сам виноват, что вас задержал. Просил не наказывать. Отменяю наряд.

– Ну вот, выкрутился, – услышал Санька шепоток Рустамчика. – Точно, хитрый. – Санька даже не взглянул в острые щёлочки, которые сейчас из-за сержанта резали его.

– Но почему? Я виноват! – пробовал протестовать Санька. – Я опоздал в строй.

– Хитрый, выслуживается, – шепоток едким дымком тянулся из-за спины Чугунова, и Санька почувствовал, как от этого у него начинают пылать щёки.

– Я приказал Вам отдыхать? Отдыхайте! – и перевёл взгляд на затаившихся нарушителей. – Ладно. На сегодня все наряды отменяю. Ложитесь спать.

Нарушители, смущённо опустив головы, чтобы не выдать радости, осторожно, по стёночке, юркнули в дверь. И уже за дверью раздался громкий топот.

– Соболев, что вы стоите?

– Я виноват, я опоздал на построение. Я должен вымыть среднюю площадку.

– Отдыхайте, – повторил сержант.

– Я опоздал, – спокойно, не боясь, посмотрел он в глаза сержанту.

– Я отменяю своё приказание, – сказал, разделяя слова, Чугунов, и Санька увидел, как задвигались его желваки, как покраснело его лицо. – Вы не виноваты, мне всё объяснил суворовец Зайцев.

– Я наказан! Я должен! Я пойду мыть, – закричал Санька, предчувствуя, как по щекам потечёт предательская влага, ещё мгновенье, и он не выдержит.

Сержант удивлённо посмотрел на подчинённого, и в его глазах появился металлический блеск.

– Ну, коль так, объявляю вам наряд на работу за невыполнение приказания. Идите и мойте среднюю площадку. – Чугунов говорил, не разжимая губ. – И чтоб хорошо вымыли, чтоб блестела, и ни одной чёрточки. Я проверю. – Сержант резко повернулся кругом и ушёл в спальню.

Санька взял в туалете ведро, бросил туда наполовину стёртую почерневшую щётку для мытья полов, тряпку из бывшего вафельного полотенца и четвертушку грязно-жёлтого туалетного мыла, налил ведро холодной воды. Поднялся на среднюю площадку, намылил щётку мылом и стал тереть ею исчерченный полосками жёлтый кафель.

В среднюю площадку въелись следы от ботинок. Маленькая, три на полтора метра, она была самой грязной из имевшихся в роте. На других площадках суворовцы либо начинали свой бег, либо затормаживали, а по средней, находившейся между двух лестниц, неслись и, не успевая тормозить, катились на резиновых и кожаных подошвах, оставляя на кафеле чёрные полосы.

Санька тёр намыленной щёткой площадку, но полосы не исчезали, не бледнели. Они так и оставались чёрными. Тогда он окунул тряпку в воду, прополоскал её несколько раз, отжал и, распластав по кафелю, начал снимать мыло. Потом снова намылил щётку. Он уже не обижался на сержанта. Вспомнились слова Володи Зайцева. «Человек – мир, он одинок, два мира насильно соединить нельзя». Какие странные слова! Он никак не мог понять их и забыть тоже не мог. Поэтому они вновь возвращались к нему. «Эту болезнь, наверное, можно вылечить дружбой». Но у него есть друг Витька. Значит, он не одинок. Но почему иногда бывает так грустно, особенно когда вспоминаешь о доме? И тогда кажется, что ты на планете один, и она пустынна. Он ещё раз собрал мыло с площадки отжатой тряпкой. Полоски стали белее.

– Что ж, неплохо, – услышал он над собой голос сержанта Чугунова, спускавшегося по лестнице. – Можете идти отдыхать.

– Я ещё не оттёр.

– Как хотите.

Санька почувствовал, что эти слова сержант сказал тихо, спокойно, без металла.

– Отмойте и можете отдыхать. Я проверять не буду.

Санька сменил воду и ещё раз намылил площадку. Потом он ещё раз поменял воду. И когда площадка приобрела свой первозданный вид, он поспешил спать.

Руки набухли от холодной воды, пальцы покраснели. Он уже не помнил, как добрался до постели, и утром, после команды «Подъём», никак не мог вспомнить, как раздевался, складывал обмундирование, как разбирал конверт сложенной постели, как влезал под одеяло и укрывался им.

Глава 4

Уроки танцев

– Танцы, опять танцы, – кипел Витька. – И кто придумал эти проклятые танцы?

Уроки танцев проходили в фойе клуба. По расписанию второй взвод седьмой роты танцевал на шестом уроке. Блестящие окна казармы седьмой роты через спортивную площадку смотрели в подслеповатые, закрытые шторами окна клуба. Это расстояние можно было преодолеть напрямик, но бдительно стоящий на страже сержант Чугунов строго следил за тем, чтобы второй взвод, уходящий на уроки в другие корпуса, напрямик не следовал, как недисциплинированные лучи света в пространстве, а двигался по тем кратчайшим ломаным, которые определило командование училища.

В фойе клуба в окружении тонких круглых колонн, отражаясь в малиновом паркете, их ждал учитель Евгений Эдуардович.

Чёрные туфли Евгения Эдуардовича блестели, брюки были тщательно отглажены, белая японская рубашка сияла целлулоидной белизной, пиджак сидел как на манекене в витрине Уссурийского универмага. Щёки его покрывал румянец цвета созревшей земляники, в тёмных глазах играли фонарики, и даже набриолиненные волосы чуточку поблёскивали.

– А, ребята, проходите, проходите, пожалуйста, – пригласил он тонким, почти женским голосом.

Витька тут же юркнул за колонну и исчез.

Когда взвод рассредоточился по краям фойе, Евгений Эдуардович который раз поведал о важности своего предмета.

– В танцах стираются различия между умственным и физическим трудом, – и тут же потёр руки, как бы показывая, как именно стираются. – Человечество выжило, потому что умело танцевать, – руки выплыли на уровень подбородка. – Каждый должен хорошо танцевать, – ладони плавно закачались в воздухе. – И обязательно прекрасно вальсировать, – пальцы нежно дотронулись до талии воображаемой партнёрши...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.